

Научная статья

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-3-424-432

УДК 821.161.1:821.581

Образ волка в художественной анималистике «Слова о полку Игореве» и древнекитайской литературе

Ю. Ван

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Макляя, 6

В статье анализируется образ волка в «Слове о полку Игореве» и древнекитайской литературе. В мотивном комплексе художественной анималистики «Слова» волк представлен семантически многозначно. Он выступает в символической функции предвестника трагических событий, поэтизируется как легендарно-мифологический оборотень, а также интенсивно используется в качестве сравнения-персонификации. В древней китайской литературе волк в подавляющем большинстве текстов выступает как носитель отрицательных эмоций. Основные его метафорические ассоциации – чужеземцы-захватчики, мятежники, властители-тираны. Образ волка исследуется по оригинальному тексту «Слова», его переводам и комментариям к ним китайских литературоведов Вэй Хуанну и Ли Сииня.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; волк; оборотень; древняя китайская литература; Вэй Хуанну, Ли Сиинь

Введение

В «Слове о полку Игореве» мир фауны представлен разнообразно и многогранно. Количественное распределение всех зверей и птиц отражено в таблице, из которой видно, что в художественной анималистике «Слова» волк доминирует среди всех представителей зоофауны.

Воплощение человека в образе животного – один из репрезентативных приемов изобразительной тропики «Слова». С волками символически ассоциируются Боян, князь Игорь, дружина Всеволода (куряне), князь Всеслав Полоцкий, Овлур.

Образ волка в «Слове» семантически и символически многозначен. Во-первых, он – главный фигурант в группе анималистических тропов – сравнений, метафор, метонимий, олицетворений. Во-вторых, образ волка включен в символику оппозиции «русские – половцы», выявляя амбивалентную оценку физических качеств и пространственных перемещений противостоящих ратных сил. Наконец, в-третьих, волк актуализирует мотив оборотничества.

© Ван Ю., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Таблица

Звери	Количество упоминаний	Птицы	Количество упоминаний
Зверь (собирательный образ)	3	Птица (птичь) (собирательный образ)	3
		Птица (птиць)	5
Лютый зверь	1	Сокол	16
Волк	9	Соловей	4
Конь (комонь)	7	Орел	2
Тур	3	Зегзика	2
Пардус	1	Гоголь	2
Лисица	1	Кречет	1
Горностай	1	Дятел	1
Полоз	1	Чайка	1
		Чернядь	1
		Лебедь	5
		Ворон	4
		Галка	4
		Сорока	2

Художественную функцию образа волка в мировой литературе можно обозначить как *loci communnes* – универсальный поэтический троп-сравнение воины-волки. Волк – устойчивая мифологема фольклорных и литературных произведений батальной тематики. Образ воина-волка использовался и в античном эпосе, и в литературе западно-европейского и восточно-азиатского Средневековья. К примеру, впечатляющий образ – сравнение с серым хищником – представлен в «Илиаде» Гомера. Древнегреческий поэт, воспевая ратный подвиг воинов Ахиллеса, создал один их классических по своему художественному воплощению образ рыцарей, уподобленных силой, сплоченностью и отвагой волкам:

Тою порой Ахиллес, обходя мирмидонов по кущам,
 Всех вооружал их оружием к бою. Подобно как волки,
 Кои еленя рогатого, в дебри нагорной повергнув,
 Зверски терзают; у всех обагрованы кровию пасти;
 После, стаюю целой, к источнику черному рыщут;
 Там языками их гибкими мутную воду потока
 Локчут, рыгая кровь поглощенную... [5. С. 155]

Образ волка в древнекитайской литературе

Не менее яркие образы волков представлены в древней китайской литературе. Волк в китайских мифах изначально изображен в обликах героя или Бога. Предания о волках-помощниках, поддерживающих воинов во время боя, находим в древнем уйгурском эпосе. В «Легенде о Хане Угус» волк «направлял по правильному пути» [8. С. 36], то есть давал тактические советы Хану Угусу, чтобы полководец смог привести свое войско к победе.

В дальнейшем мифологические воззрения на волка переключились с героического на бытовое восприятие естественного поведения и повадок серого хищника, поскольку сместились жизненные приоритеты в сторону мирной цивилизации. Культ земледельческого и скотоводческого труда привел к появлению отрицательных эмоций по отношению к волкам, которых невозможно было одомашнить и которые были опасными для человека и скота. Начиная с династии Тан (618–907 гг.) положительная оценка образа волка в основном исчезла, и в художественном осознании его образа стали доминировать жестокость, жадность, безжалостность и беспощадность натуры хищника.

В «Цюань Танши» (1) обнаружено более 200 поэм, в которых встречается образ волка. В древнекитайских текстах можно обозначить по крайней мере три семантически значимых варианта символично-метафорического функционирования этого образа.

1. Волк как злой, жестокий, свирепый иноземный захватчик. Несмотря на то, что эпоха династии Тан считается периодом расцвета средневекового Китая, она все еще подвергалась угрозе со стороны иноземных захватчиков: с севера – тюркских племен, с востока – Кореи, с запада – племени Туфан, с юга – Царства Нань Джао. Поэтому тема защиты пограничных рубежей становилась актуальной в художественном творчестве. Поэты в изображении налетов захватчиков использовали отрицательные образные ассоциации, которые воплотились прежде всего в волках. Так, Ли Бо в своей поэме «Песнь об иноземных кавалеристах в Ю Джоу» (2) писал: «Ханы гуннов, названные любимцами неба, злы по натуре, как волки, воинственны по своей природе» [4. С. 138]. Ду Фу в произведении «Рассейние тоски» так описал трагическую картину: «Во всех углах страны нет перемирия в течение десяти лет, цюаньжуны (3) снова приближаются к Сяньцзину (4) ... Шакалы и волки блокируют дороги, никто не ходит. Пожар войны разгорается, ночью освещаются огнем бесчисленные трупы на поле» [4. С. 209]. Хуан Фужань создал аналогичный художественный образ: «Огонь войны встревожил крепость цюаньжунов, шакалы и волки собираются ворваться в столичный город» [4. С. 270]. В этих произведениях поэты пишут о жестокости и беспощадности врагов – иноземных захватчиков и воплощают их в образах шакалов и волков.

2. Волк как крамольник, который губит страну и народ. В древнекитайском феодальном обществе мятежники считались главной угрозой для имперской власти. Восстание Ань и Ши стало поворотным моментом от процветания к упадку в правлении династии Тан. После мятежа централизованная власть в значительной степени ослабла, и, наоборот, укрепилась сила наместников на подвластных им территориях (заметим, что идентичная ситуация описана в «Слове о полку Игореве»). Народ в это время пребывал в крайне возмущенном состоянии. Переживая хаос и разруху, беспокоясь о судьбе народа, поэты-патриоты не могли в своих произведениях не отреагировать на бедственное состояние страны. Ли Бо как очевидец этой беды в стихотворении «Древний стиль» так писал: «Глядя вниз на равнину Лоян, видны хунну-солдаты, ходящие повсюду. Кровь окрасила сорную траву, а шакалы и волки празднуют победу» [4. С. 146]. Ду Фу в поэме «Ради развлечения» отмечал: «Избегая захватчиков, расстались [с родственниками]; по-

стоянно живут в голоде и холоде. Вряд ли беженцы вернуться в свои дома хотят, потому что тигров и волков боятся» [4. С. 187].

3. Волк как жестокий, тиранический, жадный правитель. Во многие династические периоды сильной власти в Древнем Китае простые люди страдали от многочисленных поборов и налогообложений. Поэты-патриоты не могли обойти в своих произведениях насущную проблему политической и социальной дискриминации, что доказывается многочисленными стихами и поэмами, в которых эта тема нашла неравнодушный отклик. В поэме «Старик, живущий на западной горе» Ци Джи писал: «На западной горе много волков и тигров, они избивали в прошлом году и детей, и женщин. Чиновные власти даже не обратили внимание на одиноких стариков, живут своей жизнью под горами» [4. С. 310]. В произведении «Дулинский старик» Бэ Цуй назвал волками насильников над людьми, показав, что «хотя у них нет острых когтей и зубов, они “пожирают” человеческую плоть» [4. С. 572]. В стихотворении «Пить в одиночестве в помещении губернатора» Ду Му называл корыстных чиновников волками; похожий образ жадного волка создал в своем произведении и Джэн Юй [4. С. 70, 362].

В этих и многих других произведениях китайских авторов правители и их приспешники уподобляются волкам, через образ которых разоблачаются жадность, безжалостность и эгоистичное пренебрежение по отношению к простым людям. Любопытно, что в Китае существует поговорка «жестокое правление вреднее тигра», что напрямую свидетельствует о традиционном использовании в китайской литературе издревле принятого в народе устойчивого сравнения тирании правителя со зверем – тигром или волком.

Таким образом, волк в древней китайской литературе в подавляющем большинстве текстов выступает как носитель негативных качеств и эмоций. Древние китайцы с волком соотносили жестокость, жадность и безжалостность. Метафорические ассоциации волка – чужеземцы-захватчики, мятежники, властители-тираны.

Образ волка в «Слове о полку Игореве»

В «Слове о полку Игореве» волк – положительный персонаж. Но если в целом рассмотреть художественную функциональность образа в древнерусской литературе, то можно выявить по крайней мере три варианта воплощения самого популярного в художественной анималистике зверя. В своей статье В.Л. Виноградова отмечает, что это может быть зверь с условно заданной положительной, во-первых, или отрицательной, во-вторых, смысловой нагрузкой, и, в-третьих, он может трансформироваться в характерный для архаики образ человека-оборотня [6. С. 291–295]. В древнерусских книжных памятниках мотив оборотничества, по наблюдению А.О. Шелемовой, «в отличие от устной сказочной и былинной традиции, весьма редок. Сравнения с волками в оригинальных текстах обычно входят в художественные формулы метафорического языка с негативной оценочной нюансировкой, как это, к примеру, представлено в «Повести временных лет»: «Аще ся въвадити волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубити»; в «Поучении» Владимира Мономаха: «И облизахуте на нас акы волци стояще, и от перевоза из горь»; в «Молении» Даниила Заточника:

«Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младе-нецъ») [7. С. 120]. В.Л. Виноградова позитивный оттенок в художественном решении образа заметила в переводной «Александрии»: «Яко перси овцы нарекутся, а македоняне волци, передь единымъ же волкомъ много овецъ бегаетъ» [6. С. 292].

Итак, в «Слове о полку Игореве» волк представлен в девяти эпизодах и выполняет три символично-семантические функции. Рассмотрим эту художественную триаду в контекстном соотношении с переводами древнерусского текста на китайский язык.

1. Образ волка включен в мотивный анималистический комплекс символических предсказаний трагического для Игоревой дружины похода, когда князь к Дону войско ведет: «...вльци грозу въсрожатъ по яругамъ...» [1. С. 374]. В китайском тексте Вэй Хуанну данное предложение переведено так: «волки накликают грозу по оврагам» [2. С. 5]. Ли Сиинь перевел его как «волки рыкают по яругам» [3. С. 49]. И в комментарии к переводу отмечается, что «согласно старинному суевию, вой волков возвещает бедствие» [3. С. 90]. Как собирательный образ-символ в перечне враждебных представителей фауны (лисиц, орлов, воронов, галок) волки упоминаются только в этом эпизоде кануна битвы. Перевод и комментарии к нему китайских литераторов адекватны и соответствуют семантике оригинального текста.

2. Волк в «Слове» – главный фигурант в художественной тропике.

Боян «растѣкашется... сѣрымъ вълкомъ по земли...» [1. С. 372]. В комментарии к переводу Вэй Хуанну о Бояне говорится, что он – древний народный певец, имя которого появляется только в «Слове о полку Игореве». В других древнерусских памятниках (например, в «Повести временных лет») ни разу не упоминается данное имя. Судя по ряду князей, которые воспеты в «Слове», можно предположить, что во второй половине XI века Боян был еще жив. Создатель «Слова» оригинально представил манеру творчества Бояна, своими песнями и игрой на гусях воспевавшего старых князей [2. С. 30]. Ли Сиинь также дал обширный комментарий, используя работы известных российских литературоведов о Бояне в «Слове о полку Игореве» [3. С. 68].

С волчьей стаей сравниваются куряне – дружина князя Всеволода, которые «...скачють, акы сѣрыи вльци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ» [1. С. 374]. Это сравнение, на первый взгляд, можно отнести к разряду этикетных тропов, основанных на реальном сопоставлении: волки в естественной среде обитают организованно, стаями, возглавляемыми опытным, матерым вожаком, и по своим повадкам это быстрые, сплоченные, сильные, храбрые звери. Но аналогичными качествами автор наделяет и врагов-половцев: «Гзакъ бежитъ сѣрымъ вълкомъ» [1. С. 374], и это метонимическое сравнение враждебных «волчих стай» отнюдь не случайно: автор реально оценивает силу, быстроту и агрессивность соперника и тем самым дает понять, что орда степняков и дружина Всеволода равновелики в своем противостоянии. Русские полководцы, к сожалению, не сумели предугадать борьбу с опасным врагом, не уступающим им силой и храбростью.

Две версии перевода этого предложения на китайский язык соответствуют семантике фрагмента из «Слова». Вэй и Ли синхронно перевели фразу как

«Гзак мчится серым волком» [2. С. 7; 3. С. 50] и прокомментировали, что в первой битве полк Игоря не столкнулся с главной силой половецкой армии, возглавляемой Гзаком и Кончаком [2. С. 34; 3. С. 97].

Волку уподобляется князь Игорь во время побега из половецкого плена. Эпизод впечатляет обилием параллелизмов, лексических и фонетических повторов, эпитетов, сравнений и олицетворений, благодаря которым автор не только ярко живописует, но и озвучивает мир природы. При этом троекратно употреблено сравнение Игоря с волком, дважды персонифицирован волк-Овлур. Самым колоритным и одновременно спорным является эпитет «босый»: «[Игорь]... скочи... босымь влькомь...» [1. С. 384]. О семантике словосочетания «босый волк» Ли Сиинь в комментарии к «Слову» дал пояснительные замечания, подробно разъяснив китайскому читателю проблему «темного места», интерпретируемую российскими медиевистами с разных точек зрения. Он представил мнения А.И. Соболевского, который видел в сравнении ассоциацию с белым волком; В.А. Горулевского, полагавшего, что «босый волк» является тюркским тотемом; В.В. Набокова, отстаивавшего версию «человека-волка», уверяя, что прилагательное «босый» имеет значение «волшебный»; Д.С. Лихачева, рассмотревшего в лексеме орфографическую ошибку, которую следует изменить на «бусый», то есть серый. Но в своем переводе Ли Сиинь отказался от всех версий и остановился на нейтральном варианте: «бежал, как волк», не прибавляя при этом никакого эпитета к сравниваемому субъекту. А Вэй Хуанну в переводе сохранил традиционную фольклорную версию «серого волка».

3. Волк в «Слове» – оборотень. Понятие оборотничества в народном сознании прежде всего связано с превращениями человека в волка.

В «Слове о полку Игореве» эта фольклорная традиция гениальным автором творчески реализуется напрямую. Оборотнем предстает Всеслав Полоцкий. В весьма лаконичной характеристике князя (около двух десятков строк) четырежды описываются его телесные превращения в зверя: сначала он «скочи къ граду Киеву»; от Киева «скочи лютымь звѣремь въ плъночи изь Бъла-града», затем – «скочи влькомь до Немиги»; «въ ночь влькомь рыскаше, из Киева дорискаше до курь Тмутороканя, великому Хрьсови влькомь путь прерыскаше» [1. С. 382, 384]. Автор «Слова», используя прием гиперболического описания необычной быстроты всех «скачков»-передвижений Всеслава, подчеркивает сверхъестественные возможности князя, воплощенного в образе оборотня-волка: сначала он «прыгнул» к Киеву, затем «перепрыгнул» от Киева к Белгороду, далее «скочил» до Немиги с Дудуток; умудрился обогнать звук Полоцких колоколов и, наконец, перегнал на пути к Тмуторокани солнце. Перевод данного эпизода Вэй Хуанну прокомментировал следующим образом: «Всеслав иногда уклоняется от охоты, иногда замышляет брать другие города, а иногда защищает свою наследственную территорию. Он действительно бегал, как волк, по всей Руси. По другой версии, известной по летописи и сохраненной в народных преданиях, Всеслав – волк в замаскированном виде человека и волшебник» [2. С. 45].

Сравнения героев «Слова о полку Игореве» с волками позволяют охарактеризовать степень активности и мобильности персонажей. На это обратила вни-

мание исследовательница «Слова» А.О. Шелемова: «Скорость, максимальная динамика, широта пространственных передвижений достигаются предельной концентрацией глаголов движения, лексически воспроизводящих поведение и способы перемещения сильного зверя в естественной среде. Все – и позитивные, и редкие негативные – волчьи персонификации активны: Боян “рыскал” в “тропу Трояню чресъ поля на горы”, куряне “скачють”, Гзак “бѣжитъ”, половцы “нарищуце”, Всеслав “скочи” (трижды), “рыскаше”, “дорискаше”, “прерыскаше”, Игорь “скочи”. Из парадигмы активно-динамичных пространственных действий персонажей-волков выпадает Овлур, который “вльком потече”, (впрочем, и Боян в первой характеристике также растекался волком по земле), хотя проводник Игоря изображен быстрым и активным. Даже собственное имя Овлур (Влурь) в некотором роде созвучно “волку” (в Ипатьевской летописи он – Лавр). Образ половецкого проводника ассоциируется со сказочным героем, сподвижником и помощником Ивана-царевича. Будучи “вторым лицом” тандема беглецов, находящимся в услужении, он закономерно уступает в активности хозяину» [7. С. 122].

Заключение

В «Слове о полку Игореве» образу волка отводится одно из самых ответственных мест. «Вездесущий» серый хищник в анималистическом мотивном комплексе количественно занимает вторую (после сокола) позицию. Интенсивность использования характера естественных повадок хищного зверя и его легендарно-мифологических трансформаций настолько продуктивна, что позволяет говорить об уникальности и универсальности статуса волка в художественной анималистике «Слова». Функционально волк в «Слове» положительный образ. В древнекитайских же произведениях наблюдается альтернативная интерпретация: волк в естественной среде напрямую ассоциируется с социальными «хищниками» – чужеземцами-захватчиками, крамольниками, властителями-тиранами.

Примечания

- (1) «Цюань Танши» (全唐诗) содержит более 48 900 стихотворений, принадлежащих более чем 2200 поэтам эпохи династии Тан. На сегодняшний день является самым авторитетным, полным и наиболее влиятельным сборником древнекитайской классической поэзии.
- (2) Ю Джоу – ныне север провинций Хэбэй и Ляонин Китая.
- (3) Ханьцы в Древнем Китае называли северные кочевые народы цюаньжунами.
- (4) Сяньцзин – имеется в виду Сяньян – стольный город династии Цин. Далее стал метонимией Чанъань – столица Тан.
- (5) Мятеж Ань и Ши состоялся в 755 г. под предводительством танских военачальников Ань Лушань и Ши Сымин с целью захвата власти и свержения династии Тан. Ань и Ши вступили в сговор с иноземными захватчиками во время нашествия на танский двор в Чанъани. Кровопролитный переворот, продолжавшийся восемь лет, является самым масштабным внутрикитайским военным конфликтом средневековой эпохи Китая. Он оказал решающее влияние на развитие кризисных явлений в Танской империи. Именно с этого момента политика дальнейших древнекитайских правительств склонялась постепенно от открытости к замкнутости.

Список литературы

- [1] Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная литература, 1980. С. 372–386.
- [2] *Вэй Хуанну*. Слово о полку Игореве [魏荒弩. 伊戈尔远征记]. Пекин: Изд-во народной литературы, 2000. С. 1–48.
- [3] *Ли Сиинь*. Слово о полку Игореве [李锡胤. 伊戈尔出征记]. Пекин: Коммерческая пресса, 2010. С. 47–142.
- [4] *Пэн Динцю*. Поэзия целого эпохи династии Тан. Т. 5 [彭定求. 全唐诗]. Янбянь: Народный издательский дом Янбянь, 2004. С. 70–572.
- [5] *Гомер*. Илиада. Одиссея // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1967. XVI. С. 155–166.
- [6] *Виноградова В.Л.* Слово «волк» в древнерусском языке и «Слове о полку Игореве» // Русская речь. 1981. № 6. С. 291–295.
- [7] *Шелемова А.О.* Поэтический космос «Слова о полку Игореве». М.: РУДН, 2011. 120 с.
- [8] *Гэн Шиминь*. Легенда о Хане Угус [耿世民. 乌古斯可汗的传说]. Синьцзан: Синьцзянский народный издательский дом, 1980. 36 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 июня 2019

Дата принятия к печати: 20 июня 2019

Для цитирования:

Ван Ю. Образ волка в художественной анималистике «Слова о полку Игореве» и древнекитайской литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 424–432. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-424-432>

Сведения об авторе:

Ван Юй, аспирант филологического факультета Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: wangyu198923@126.com

Research article

The image of wolf in artistic animalism of “The Song of Igor’s Campaign” and ancient Chinese literature

Yu Wang

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

The article analyzes the image of the wolf in “The Song of Igor's Campaign” and ancient Chinese literature. In the motive complex of artistic animalism of “The Song” the wolf is represented semantically multivalued. He acts as a symbolic function of the forerunner of tragic events, poeticizes as a legendary mythological werewolf, and is also intensively used as a comparison-personification. In ancient Chinese literature the wolf in the vast majority of texts acts

as a carrier of negative emotions. Its main metaphorical associations are alien invaders, rebels, sovereigns-tyrants. The image of the wolf is investigated according to the original text of “The Song” and the translations and commentaries of Chinese literary scholars Wei Huangnu and Li Xiyin.

Keywords: The Song of Igor's Campaign; wolf; werewolf; ancient Chinese literature; Wei Huangnu; Li Xiyin

References

- [1] Slovo o polku Igoreve [The Song of Igor's Campaign] // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XII vek*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980. Pp. 372–386.
- [2] Vey Khuannu. *The Song of Igor's Campaign* [wèi huāng nǚ. yī gē ěr yuǎn zhēng jì]. Pekin: Narodnoy literatury Publ., 2000. Pp. 1–48.
- [3] Li Siin'. *The Song of Igor's Campaign* [lǐ xī yìn. yī gē ěr chū zhēng jì]. Pekin: Kommercheskaya pressa Publ., 2010. Pp. 47–142.
- [4] Pen Dintsyu. *Poeziya tselogo epokhi dinastii Tan. T. 5* [péng dìng qiú. quán táng shī]. Yanbyan': Narodnyy izdatel'skiy dom Yanbyan', 2004. Pp. 70–572.
- [5] Homer. *Iliada. Odisseya* [The Iliad. The Odyssey] // *Biblioteka vseмирnoy literatury*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967. XVI. Pp. 155–166.
- [6] Vinogradova V.L. Slovo “volk” v drevnerusskom yazyke i “Slove o polku Igoreve” [The word “wolf” in the old Russian language and in “The Song of Igor's Campaign”] // *Russkaya rech'*. 1981. No. 6. Pp. 291–295.
- [7] Shelemova A.O. *Poeticheskiy kosmos “Slova o polku Igoreve”* [The poetic space of “The Song of Igor's Campaign”]. Moscow: RUDN University, 2011. 120 p.
- [8] Gen Shimin'. *Legend of Khan Ugus* [gěng shì mín. wū gǔ sī kě hàn de chuán shuō]. Sin'tszan: Sin'tszanskiy narodnyy izdatel'skiy dom, 1980. 36 p.

Article history:

Received: 10 June 2019

Revised: 18 June 2019

Accepted: 20 June 2019

For citation:

Wang Y. (2019). The image of wolf in artistic animalism of “The Song of Igor’s Campaign” and ancient Chinese literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(3), 424–432. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-424-432>

Bio note:

Yu Wang, Ph.D. student of Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts:* e-mail: wangyu198923@126.com